

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — АВТОР РАЗБОРА ДРАМЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»

Предложение, всего из четырех слов, открывающее разбор драмы «Гроза», как нельзя лучше соответствует началу, вписывается в начало, определяет начало данных заметок о разборе и его авторе.

«Нам предстоит трудная задача»¹. Она из невыясненных, от Достоевских, вместе Михаила и Федора. Ее условия: текст разбора и подпись под текстом, явившиеся в печати почти сто сорок лет назад в журнале «Светоч», в его третьей книге за 1860 г. Но и ответ заключен также в тексте, подписи «Достоевский» и букве, выставленной рядом с фамилией.

Состав, а потом и расклад необходимых и возможных доказательств для атрибуции разбора и определяет трудность задачи.

Некоторые данные и показания об авторе статьи «„Гроза“. Драма в пяти действиях А. Н. Островского» нами приведены в заметках «Ф. М. Достоевский и журнал „Светоч“. Отношения, связь». В ряду этих данных — свидетельства М. М. Достоевского и А. Н. Островского и одно из свидетельств Ф. М. Достоевского².

Так как буква «М» в намеренно выбранной подписи «М. Достоевский» могла означать не только первую букву имени Михаил, но и первую букву отчества в привычной последовательности М[ихаил] [Михайлович] Достоевский, [Федор] М[ихайлович] Достоевский, то, собственно, подписью «М. Достоевский» принадлежность разбора старшему из Достоевских, кажется, и не закреплялась. Читатели увидели и приняли имя, и этого для Ф. и М. Достоевских, целиком отдавшихся новым обстоятельствам по собственному «толстому» журналу, было очень достаточно.

Отметим в этой связи, что «М. Достоевский» как подпись совсем мало разнится от «М.-ий» — подписи, явившейся еще в 1857 г., в августе, в журнале «Отечественные записки», под текстом повести Ф. М. Достоевского «Маленький герой» Здесь в заглавной букве «М» — условное сокращение отчества Ф. М. Достоевского, в строчных буквах «-ий» — окончание фамилии его, с подчеркнутой знаком тире отдельностью каждой части подписи.

«М.-ий» и «М. Достоевский» — две подписи, разорванные временем в два с половиной года: между ними отставка, отъезд из Семипалатинска, пребывание в Твери и вновь, после десятилетнего отсутствия, Петербург. В литературном отношении итог двух с половиной лет:

публикация повести «Маленький герой», наработанные и опубликованные повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели», составление двухтомного собрания сочинений и издание этого собрания у Н. Основского в Москве, публикация, наконец, статьи с разбором драмы Островского «Гроза».

Для однозначного укрепления справедливости атрибутирования Ф. М. Достоевскому разбора «Грозы» следует воспользоваться свидетельствами и доводами, обнародованными и известными давно и всем. Они вполне достаточны и доступны и единственно требуют соответственного отбора, соответственного упорядочения и соответственного соотнесения. Они все — части единого целого и потому не должны, уже по началу, быть: одни — определяющими, другие же — незначащими, случайными и лишними.

Из всех дел и вопросов, неотступно заботивших Ф. М. Достоевского во время недолгой задержки его с семьей в Твери, наиглавнейшим, безусловно, являлся вопрос получения высочайшего соизволения на водворение его, бывшего политического преступника, уволенного от службы подпоручиком, в столице. Все остальное было как бы вторичным и, видимо, представлялось ему мало обязательным. Это обнаруживается даже в переписке: в ее содержании, в самой последовательности чтения Достоевским писем, в последовательности ответов.

Примером тому могут быть два письма Достоевскому, писанные адресатами в один и тот же день ноября 1859 г. — девятого числа и в один и тот же день доставленные в город Тверь, в местный почтамт, — 11 ноября: письмо М. М. Достоевского и письмо А. Е. Врангеля.

Эти письма, как и ответные на них Достоевского, и открывают ряд наблюдений, составляющих в своей совокупности систему свидетельств принадлежности статьи о драме «Гроза» Ф. М. Достоевскому. И тут же письмо, писанное Достоевским и отправленное им из Твери 19 ноября 1859 г., генерал-адъютанту князю В. А. Долгорукову, начальнику III Отделения.

«Я бы, — можно прочесть в письме, — не осмелился в столь короткое время, в другой раз беспокоить Вас; но крайность моего положения заставляет меня снова обратиться к Вам с другою просьбою. Я покорнейшие прошу позволить мне, в ожидании окончательного решения по первой просьбе моей, прибыть на некоторое время в Петербург, хотя бы на самый короткий срок». И в конце письма, после подписи: «Федор Достоевский», его же рукой отметка: «Тверь, 19-го ноября 1859 год» (28, I; 390).

Некоторые подробности, связанные с решением, вдруг принятым Достоевским «в другой раз беспокоить» Долгорукова, содержатся в ответном письме Достоевского к барону А. Е. Врангелю.

Письмо Врангеля под датой 9 ноября 1859 г. содержит отчет о действиях его по скорейшему получению для Достоевского разрешения на переезд в Петербург. И недоумение, почему Достоевский, зная о согласии В. А. Долгорукова и управляющего III Отделением А. Е. Тимашева, не возвращается в столицу, намеренно медлит с выездом из Твери. «Я думаю, что Вы,— писал Врангель,— имея в руках письмо Тотлебена о согласии Тимашева и Долгорукова на Ваше водворение в столице, смело можете теперь приехать сюда хотя бы на короткое время, чтобы лично переговорить с этими господами; думаю даже, что граф Баранов сам посоветует это»³.

Учтем свидетельство М. М. Достоевского — его письмо к Ф. М. Достоевскому с той же датой 9 ноября 1859 г. «Одно время,— сообщал М. М. Достоевский,— мы были совершенно уверены, что ты к нам сейчас приедешь. и дня два каждое утро ждали тебя. И все Врангель. Приехал он прошлое воскресенье <...> уверил <...> что тебе уже позволено и что он отправил уже о том письмо к тебе <...> Вот мы тебя все и ждали, пока не пришло письмо твое. Как жаль, что ты с самого начала не послушался меня и не написал письма к князю Долгорукову. Я уверен, что ты был бы теперь с нами. Из всех путей ты выбрал самый труднейший»⁴.

М. М. Достоевский извещал брата о чтении корректур «первой части» романа «Село Степанчиково...», которой «вышло всего <...> 8³/₄ листов», о числе листов во всем романе, которых, по его подсчетам, «будет 13–14», о 125 рублях, которые он на днях получит и вышлет Достоевскому, о собственных делах торговых⁵.

Учтем и свидетельство Ф. М. Достоевского. Имеется в виду письмо писателя от 19 ноября 1859 г. барону Врангелю в ответ на его письмо от 9 ноября: «Дорогой друг мой, Александр Егорович, спешу писать к Вам. Разные обстоятельства решительно задержали меня отвечать Вам раньше. Да и теперь беру перо, чтобы опять писать о делах». Потом о полученном согласии князя Долгорукова и Тимашева: «Вы пишете, для чего я, имея согласие от Долгорукова и Тимашева на водворение мое в Петербурге, не еду к Вам. То-то и беда, друг мой, что нельзя; ибо дело теперь у Государя. Сам же я писал к нему, и теперь уже он решит. Я было думал приехать на некоторое время; потому что если Долгорукий согласен *даже на окончательный мой переезд в Петербург*, то уже не будет сердиться, если я, в ожидании окончательного решения, приеду в Петербург на несколько дней. Я было и решился ехать и сказал об этом гр[афу] Баранову. Но тот мне отсоветовал, боясь, чтоб я не повредил себе. самовольно воспользовавшись правом, о котором еще так недавно просил и до сих пор не получил ответа. Согласитесь сами, друг мой, что не могу же я ехать, если Баранову этого не хочется. А не сказавшись ему, я не мог уехать». И дальше: «И потому вот что я придумал и что граф

сам мне посоветовал. Именно написать князю Долгорукому письмо, в котором я прошусь на временный приезд в Петербург, в ожидании окончательного решения по первой просьбе моей, то есть об окончательном водворении моем в Петербурге. Это письмо Долгорукому я уже написал и отсылаю сегодня же».

И повторно:

«...расскажите [Э. И. Тотлебену.— Б. Ф.], в чем дело, что 19-го ноября я послал письмо к Долгорукому с такою-то просьбой и что нельзя ли поддержать это письмо мое Долгорукому <...>» (28, I; 378–379).

Первые две фразы письма, взятые в целом, не могут, даже приблизительно, рассматриваться как стыкующиеся или сообразные друг другу. В одной — о желании поспешить с ответом, в другой — об обстоятельствах мешавших действовать. Обстоятельства у Достоевского названы только «разными». Он не позволил себе и даже, кажется, остерегся, в силу тех же «обстоятельств», хоть как-то и сколько-нибудь что-то уточнить, дать понять, обмолвиться. Но обстоятельства — «решительно» помешавшие и, видно по всему, не связанные с плохой доставкой писем. Обстоятельства, сказывавшиеся еще 17 ноября. А в следующие два дня, 18-го и особенно 19-го у Достоевского напряженная спешность: «...спешу писать к Вам». И о письме к Долгорукову. В начале сообщает: «...я уже написал и отсылаю вместе с Вашим». Потом исправляет, уточняя: «и отсылаю сегодня же». И повторно: «я сегодня, 19-го числа, послал письмо к Долгорукому». И подчеркнуто, итогом: «Даже брату не отвечал сегодня,— так тороплюсь» (Там же).

Со всей определенностью допустимо утверждать, что «разные обстоятельства» сказались и на письме Достоевского к Долгорукову, на сроке, на крайнем сроке его составления и его отсылки. «Я было думал приехать». «Я было и решился ехать и сказал об этом гр[афу] Баранову». «И потому вот что я придумал и что граф сам мне посоветовал» (28, I; 378).

И также всего вероятнее, да так и должно было быть, что «обстоятельства» возникли вслед за намерением Достоевского отбыть на короткий срок в Петербург, они определились вполне встречей его с графом Барановым. Достоевский «сказал об этом», губернатор ему «отсоветовал», боясь, чтобы Достоевский «не повредил себе, самовольно воспользовавшись правом» (Там же).

Письмо к Долгорукову оказывается присоветованным, упреждающим, в успокоение и взамен предположенной Достоевским петербургской поездки. На письме Долгорукову, втором письме, и на ответном письме Врангелю Достоевским выставлена дата: «19 ноября 1859». Ее определили «разные обстоятельства», которые не только заметно задержали Достоевского с письмом к Врангелю, но и помешали ему исподволь и сосредоточенно готовить письмо для князя Долгорукова.

Для большей наглядности будет ничуть не лишним представить последовательно и хотя бы вкратце сведения о действиях в ноябре 1859 г. Достоевского и других лиц, а также сведения о письмах, сохранившихся и несохранившихся, и Достоевского и других лиц.

1 ноября. Письмо Д. к М. М. Достоевскому.

1 ноября. Письмо М. М. Достоевского к Д.

2 ноября. Штемпельная отметка Тверского почтамта на письме М. М. Достоевского к Д. от 1 ноября.

2 ноября. Письмо Д. к Э. И. Тотлебену.

2 ноября. Письмо Д. к А. Е. Врангелю.

3 ноября. Просьба-письмо Д. к начальнику III Отделения Е.И.В. Канцелярии князю В. А. Долгорукову.

3 ноября. Просьба-письмо Д. к управляющему III Отделением Е.И.В. Канцелярии Свиты Его Величества генерал-майору А. Е. Тимашеву.

3 ноября. Отношение начальника Тверской губернии генерал-майора графа П. Т. Баранова В. А. Долгорукову в связи с ходатайством Д.

5 ноября. Отметка В. А. Долгорукова на полях первой страницы просьбы Д.: «Справку». На второй странице просьбы его же рукой карандашом отчеркнуты слова: «...две недели тому назад написал письмо к Его Императорскому Величеству. Губернатор города Твери, его сиятельство граф Баранов, переслал письмо это его сиятельству графу Адлербергу для вручения лично Государю Императору».

5 ноября. Отметка В. А. Долгорукова на первой странице отношения П. Т. Баранова: «Приготовить доклад». «Со справкой».

6 ноября. Канцелярские пометы на письме Д. к В. А. Долгорукову: «№ 3498. 6 ноября 1859 года».

6 ноября. Канцелярские пометы на письме Д. к А. Е. Тимашеву: «№ 3499. 6 ноября 1859 года».

6 ноября. Канцелярские пометы на отношении П. Т. Баранова к В. А. Долгорукову: «№ 3500. 6 ноября 1859 года».

8 (?) ноября. Письмо Д. к М. М. Достоевскому.

9 (?) ноября. Письмо Д. к М. М. Достоевскому.

9 ноября. Письмо М. М. Достоевского к Д.

9 ноября. Письмо А. Е. Врангеля к Д.

11 ноября. Штемпельная отметка Тверского почтамта на письме М. М. Достоевского к Д.

16 ноября. Письмо М. М. Достоевского к Д.

18 ноября. Штемпельная отметка Тверского почтамта на письме М. М. Достоевского к Д.

19 ноября. Просьба-письмо Д. к В. А. Долгорукову.

19 ноября. Письмо Д. к А. Е. Врангелю.

20 ноября. Отметка В. А. Долгорукова на полях первой страницы просьбы-письма Д. от 19 ноября: «Представить мне справку с соображением. Завтра».

21 ноября. Канцелярская помета на просьбе-письме Д. к В. А. Долгорукову от 19 ноября: «21 ноября 1859».

21 ноября. «Справка» и переписка по III Отделению для В. А. Долгорукова с «примером» и «соображением». На л. 3 «Справки» отмечено: «По приказанию Вашего сиятельства спрошен о всеподданнейшей просьбе Достоевского генерал-адъютант граф Адлерберг 2-й, но до сих пор ответ на это еще не получен».

22 ноября. Отметка В. А. Долгорукова чернилами на полях первой страницы «Справки»: «Высочайше разрешено».

23 ноября. Письмо М. М. Достоевского к Д.

23 ноября. Отношение В. А. Долгорукова к П. Т. Баранову «По № 3500».

24 ноября. Квитанция из Почтового вагона о приеме пакета от В. А. Долгорукова к П. Т. Баранову.

25 ноября. Штемпельная отметка Тверского почтамта на письме М. М. Достоевского к Д. от 23 ноября.

25 ноября. Письмо П. Т. Баранова к Д.

27 ноября. Отметка В. А. Долгорукова на полях всеподданнейшей просьбы Д. Императору Александру II: «Высочайше повелено относительно Исаева снести с кем следует. 27 ноября 1859 г.»; «Что касается до самого Достоевского, то просьба его уже решена по письму, которое он ко мне писал» (28, I; 519).

Эта незамысловатая таблица или страница летописи с легко сопоставимыми с документами данными нуждается, однако, во-первых, в пояснениях, во-вторых, в обязательных дополнениях.

Письмо Достоевского от 1 ноября 1859 г. неизвестно. Сведения о нем содержатся в письме М. М. Достоевского от 9 ноября 1859 г. 9 ноября приходится на понедельник. Таким образом М. М. Достоевский в письме напоминал о «прошлом воскресенье» — 1 ноября, а «дня два каждое утро» — это 2 и 3 ноября. Письмо Достоевского было доставлено 3 ноября с дневной почтой: «Вот мы,— как пишет М. М. Достоевский,— все и ждали, пока не пришло письмо твое».

О письмах Достоевского от 8 (?) и 9 (?) ноября упоминает в письме своем от 16 ноября М. М. Достоевский: «Милейший друг мой, твои два письма я получил, и хотя уже поздно (12 часов ночи), но мне хочется хоть немного написать тебе. Нынче утром я послал тебе 125 р. В субботу вечером я получил от Кр[аевского] 500 р. <...> Касательно экземпляра Кр[аевский] сказал, что не знает, может быть уже разобрали формы, но обещал»⁷.

Письма эти не сохранились, попытка же представить как одно из них письмо, опубликованное под номером 169 в первом томе писем Полного собрания сочинений писателя, является определенно несостоятельной (см. 28, I; 374).

В указанном письме Ф. М. Достоевским высчитана и показана полагающаяся ему сумма за публикуемую часть романа «Село Степанчиково...». Он пишет: «За $8\frac{3}{4}$ листов будет 1050 р., след[овательно], мне придется по выходе книжки, за вычетом тебе долгу (375 р.) — 175 р., а не 125 р. Очень прошу тебя: получи их скорее и, на всякий случай, немедленно вышли их мне» (28, I; 376–377). Об этом расчете младшего брата старший брат *ровно ничего не знал*, но расчет этот самым непосредственным образом отвечает выкладкам М. М. Достоевского в его письме от 9 ноября, в котором также упомянуты $8\frac{3}{4}$ листов и сказано: «...на днях получу и вышлю тебе 125 р.»⁸ В письме от 16 ноября М. М. Достоевский вновь повторяет: «...послал тебе 125 р.»⁹. И ни слова в объяснениях с братом о разрыве в суммах 125 и 175 рублей.

Следующее письмо М. М. Достоевского от 23 ноября 1859 г. данных о 125 и 175 рублях за напечатанную часть «Села Степанчикова...» совсем не содержит. Но в этом последнем письме, одобряя действия брата, М. М. Достоевский писал: «Это ты очень хорошо сделал, что написал второй раз к князю Д[олгорукову]. Я не сомневаюсь, что ответ ты получишь скоро»¹⁰. Дата второго письма Достоевского Долгорукову — 19 ноября; письмо Достоевского к Врангелю, также от 19 ноября, заключает строка: «Даже брату не отвечаю сегодня <...>» (28, I; 379). И следовательно, сведения о повторном обращении Достоевского к князю Долгорукову взяты М. М. Достоевским из письма Достоевского, им написанного не ранее 20 ноября 1859 г. Это и должно быть показано в таблице:

20 ноября, не ранее. Письмо Д. к М. М. Достоевскому.

Два письма своих, одно Долгорукову, другое Тимашеву, с датой 3 ноября, Достоевский переправил в Петербург через канцелярию тверского губернатора, одновременно с отношением губернатора к Долгорукову, что легко удостоверяется входящей датой «6 ноября 1859 года» по III Отделению и соответственно входящими регистрационными номерами: 3498, 3499 и 3500. На это указывает также дата, выставленная на отношении Баранова и, главное, содержание отношения.

«Милостивый государь
князь Василий Андреевич!

Сужденный по делу преступника Петрашевского отставной подпоручик Достоевский, проживающий ныне в Твери под секретным надзором, обратился к Его Императорскому Величеству со всеподданнейшей просьбою о дозволении ему переехать на жительство в Петербург, для удобнейшего пользования от болезни и воспитания своего сына.

Входя со своей стороны в положение г-на Достоевского, который по роду своей болезни действительно здесь не может найти ни того медицинского пособия для себя, ни тех средств для воспитания своего сына, как в Петербурге, и имея в виду, что в течение всего времени пребывания своего в г. Твери г-н Достоевский вел себя отлично хорошо, я имею честь покорнейше просить сильного содействия Вашего сиятельства к удовлетворению означенного ходатайства г-на Достоевского.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть
Вашего сиятельства покорнейший слуга

Граф П. Баранов

№ 7441. 3 ноября 1859 г.

г. Тверь»¹¹.

Это отношение было составлено, безусловно, вслед за письмами Достоевского к высоким петербургским начальникам и после встречи и беседы Достоевского и Баранова.

В один из дней, следующих за 3 ноября, состоялась новая беседа Достоевского с губернатором, единственным содержанием которой явился вопрос о недолгой поездке Достоевского в столицу.

Баранов отсоветовал, боясь, чтобы Достоевский не нанес вреда себе, «самовольно воспользовавшись правом, о котором еще так недавно просил» (28, I; 378). Было губернатором «посоветовано», а Достоевским «придумано» написать Долгорукову другое письмо с просьбой о разрешении «на временный приезд в Петербург». И тогда же заодно и, видимо, с молчаливого согласия графа Баранова, «придумано» было еще посещение Достоевским московских родственников.

И Достоевский выехал в Москву так неожиданно, отправился в поездку так быстро, что ему даже не достало времени на составление письма Долгорукову. Остались им нечитанными и письма со штемпельной отметкой Тверского почтамта «11 ноября»: письмо Врангеля, ждавшее Достоевского на почте, и письмо М. М. Достоевского, доставленное по привычному уже адресу в гальяновском доме.

Достоевский отсутствовал целую неделю и только 17 ноября «приехал домой в 10-м часу и весь вечер рассказывал жене» (28, I; 377) о своих приключениях.

Таблицу ноябрьских событий необходимо поэтому дополнить записями:

11 ноября. Д. вторично встречается с начальником Тверской губернии, просит разрешить ему на недолгое время отправиться в Петербург. После отказа в просьбе добивается, с неохотой данного, согласия на поездку в Москву.

11 ноября. Отъезд Д. в Москву.

17 ноября. Д. возвращается в Тверь.

Утренние часы 18 ноября Достоевский употребил на письмо к брату, отвечая на письмо его, которое прочел накануне.

«Получил вчера твое письмо (от 9-го), друг Миша, и хочу написать тебе хоть две строчки. Ты не поверишь, как мне самому теперь тошно сидеть в Твери и даже не иметь никакого понятия о настоящем ходе моего дела» (28, I; 374).

Это письмо Достоевский писал, не только не читав письма Врангеля, но и не зная еще о письме Врангеля.

Письмо М. М. Достоевскому было написано и не было отослано. И стоит отметить, что из всех ноябрьских писем Достоевского к брату только одно это письмо и сохранилось, и оно, видимо, уцелело лишь потому, что осталось среди бумаг Достоевского. Оно не попало в первый свод опубликованных писем писателя, было обнаружено много лет позже обнаружения свода и появилось в печати в 1898 г. с разрешения А. Г. Достоевской, в приложениях к журналу «Нива».

В тридцатитомном собрании сочинений Достоевского, в первом томе писем, это письмо обозначено номером 169 и напечатано, как отмечено в примечаниях, «по подлиннику». Там же факсимильно воспроизведена первая страница письма (см.: 28, I; 375). Но ошибочно, без необходимой проверки и необходимых оснований, письмо представлено под датой 12 ноября 1859 г. Между тем Достоевский, не означая даты, ограничился лишь неопределенным замечанием: «письмо (от 9-го)». Надпись на верхнем поле первой страницы письма (см. факсимиле): «Тверь 12 ноября 59», скорее всего, позволила себе сделать А. Г. Достоевская, дополнив ее и словами на нижнем поле страницы: «Федор Михайлович просил Государя возвратить ему право жить в столицах. А. Д.» (Там же). От написанного рукой Достоевского надпись (дату), сделанную более темными чернилами, отличают наклон букв, их сцепление, иное написание цифр. Место надписи в письме выбрано совсем случайно, надпись оторвана от текста и, чтобы следовало, его не зачинает.

Свое слово могла бы сказать специальная и независимая графологическая экспертиза, но еще лучший ответ могла бы дать химическая проба чернил, использованных для надписи, замечания А. Г. Достоевской и текста письма.

Все сказанное о характере и возникновении надписи на письме Ф. М. Достоевского к М. М. Достоевскому: «Тверь 12 ноября 59» в равной мере относится и к надписи на письме Достоевского к сестре, В. М. Карепиной, опубликованном в тридцатитомном собрании сочинений Достоевского, в первом томе писем, под номером 170. Дата «12 ноября 59», проставленная в письме при первой публикации его, но, возможно, даже много раньше, выбрана по «соображению» с письмом Достоевского к М. М. Достоевскому и с письмом М. М. Достоевского к Достоевскому от 9 ноября 1859 г.

Письмо к сестре написано Ф. М. Достоевским 20 ноября, с четырехдневной задержкой по возвращении в Тверь: «Все разные дела и маленькие хлопоты» (28, I; 377).

И две записи в таблицу-летопись должны быть вписаны в таком виде:

18 ноября. Д. занимается письмом к М. М. Достоевскому, которое сам же оставляет у себя.

20 ноября. Письмо Д. к В. М. Карепиной.

Именно письмо к сестре, свидетельствующее самый факт пребывания Достоевского в первопрестольной и возникшее у него желание «погостить в Москва подолее», совершенно определенно раскрывает загадочное замечание в его разборе «Грозы»: «Мы сами видели, как в первое представление зрители вокруг нас переглядывались между собою с явным недоумением, и многие из них вслух говорили, что это невозможно, что это дико и т. п.» (154). «Первое представление» — премьера «Грозы» на сцене Малого театра, в понедельник 16 ноября 1859 г. Письмо, помогающее совершенным образом обозначить «разные обстоятельства», на которые, как на причину промедления, ссылается Достоевский в письме к Врангелю. «Разные обстоятельства» — московская его отлучка.

Письмо помогает также уточнить и понять сказанное о Достоевском и разборе им драмы «Гроза» в письмах А. Н. Плещеева.

Следует заметить, что отношение Плещеева к Достоевскому, вопреки собственным его уверениям, было не таким уж достойным и доброжелательным. Порой, напротив, оно отзывалось некоторым лукавством и даже плохо скрываемым неодобрением.

Один только пример, в связи с романом «Село Степанчиково...». 27 октября 1859 г., в письме к Ф. М. Достоевскому Плещеев пишет:

«Добрый мой Федор Михайлович.

Благодарю Вас за последнее письмецо Ваше, в котором Вы изложили мне подробно содержание вашего романа. Буду нетерпеливо ждать его появления».¹²

Полтора месяца спустя, 10 декабря 1859 г., в письме к А. П. Милюкову он сообщает:

«Мне сказывали, что Достоевский (Ф. М.) получил разрешение жить в Петербурге <...> Я пред ним несколько виноват: обещал ему написать об его романе — свое искреннее мнение и не написал; впрочем, по очень простой причине, роман мне решительно не по душе. Где эти гоголевские типы, о которых мне говорил М[ихаил] М[ихайлович]? По-моему — тут кроме Ростанева (дяди) нет ни одного живого лица. Все это сочинено, придумано; ходульно страшно. Пожалуйста, не говорите ему — того что я пишу Вам. Я отмолчусь как-нибудь; а высказывать такие вещи очень щекотливо. Чего доброго, еще повредить может нашим отношениям»¹³.

Свое нетерпение Плещеев выказывал и в связи с разбором «Грозы» Достоевским, в ответном письме к нему от 13 декабря 1859 г. из Москвы

в Тверь. Но главное все-таки сам вопрос о разборе. Необходимо тут же подчеркнуть и подчеркнуть особо, что Плещеев, в смысле содержания этого письма, не владеет инициативой, он всего только ведомый, ведущим же является Достоевский. Плещеев лишь отвечает на вопросы и повторяет, соглашаясь или не соглашаясь, высказывания, которыми было наполнено несохранившееся письмо Достоевского от 10 декабря 1859 г.

«Любезный мой Федор Михайлович, — так начинает свое письмо Плещеев. — Письмо твое из Твери, от 10-го я получил только 13-го (?); почему так поздно — не знаю. Стало быть, не вини меня, если ответ ты уже получишь в Петербурге»¹⁴.

Потом следует ответ на первый вопрос Достоевского об условиях покупки Н. Основским сочинений Достоевского. Попутно также о предложении Основского Достоевскому «просто печатать» свои сочинения в типографии, созданной усилиями Основского и Плещеева.

Далее вопрос о новых произведениях Писемского и Островского. Возможно, у Достоевского все это было высказано отдельно, вопрос за вопросом, у Плещеева же ответ разом на все, в одной «куче».

«Восторга твоего относительно драмы Писемского не разделяю и ставлю „Грозу“ неизмеримо выше. По-моему, положения в этой драме [Писемского. — Б. Ф.] как то не выявлены и впечатление она оставляет неполное, неопределенное. Бабенка решительно не удалась. Не знаешь, что она такое — любит ли она действительно помещика или ей только понравилось жить на барском дворе <...> Самому герою ты начинаешь сочувствовать только в конце пьесы, потому что он *несчастен* и в этом несчастии держит себя *честно*. — Но до этого времени нельзя вполне принять его сторону, если все, что рассказывает жена его о том, как ее отдали насильно, как он ревновал и бил и ругал ее, справедливо. Вот мое *личное* мнение: отзывом других я о ней не слышал. Вчера говорил только с Садовским, которому Писемский прислал свою пьесу. Ему нравится; но и он говорит: нет, все — не то, что-то; обстановка, второстепенные лица: Никон, зять помещика — чиновник — всего лучше. Так оно и есть. — **Жду нетерпеливо разбора твоего „Грозы“.** Здесь она сыграна безукоризненно. Это верх художественности в исполнении, по-моему. В Петербурге же, говорят, кроме Мартынова — все ниже посредственности. У нас в М[осковском] В[естнике] был такой говенный разбор „Грозы“, что я просто плюнул. Основский сам ее не видел и дал написать одному господину, который в ней понял — как свинья в апельсинах»¹⁵.

А вслед за этим у Плещеева замечание об обязательствах его перед журналом «Светоч» и о своем желании что-то переправить в редакцию, замечание вдруг и словно бы невпопад, но несомненно с учетом вычитанного у Достоевского.

Если сверяться со сказанным Плещеевым, то становится совершенно ясно, что:

— Плещеев опускает название пьесы Писемского «Горькая судьбина» и не называет фамилии Островского, что бы следовало, только потому, что в письме Достоевского, видимо, это было и отмечено и оговорено.

— Достоевский был по-настоящему доволен содержанием драмы Островского, но он должно отдавать и пьесе Писемского. Плещееву увлечение Достоевского написанным Писемским представляется странным и непонятным. Он не соглашается с Достоевским потому-то и потому-то. Но важно, что он осмысливает вычитанное у Достоевского, предложенное ему Достоевским.

— Предельно точно выраженное Достоевским намерение написать разбор «Грозы».

— Разбор «Грозы» в планах Достоевского на ближайшее будущее. «Жду,— признается Плещеев,— нетерпеливо разбора твоего „Грозы“». Захваченный собственным «личным мнением», словно бы только что им выстроенным, Плещеев даже не задается вопросом о данных, достаточных и качественных, в обоснование замысленного Достоевским.

— Текст «Грозы» явился в свет в журнале «Библиотека для чтения» гораздо позднее — в январской книжке 1860 г., и, следовательно, Достоевскому содержание драмы стало известно из других источников и намного ранее.

— Сообщая Плещееву о задуманном разборе, Достоевский умалчивает о посещении театра. Он и Плещеев могли встретиться на премьере перед началом спектакля, в один из перерывов между действиями, наконец, при разъезде по окончании пьесы. Но этого не позволил себе Достоевский, прибывший в Москву на самое короткое время и появившийся в столице не очень «в своем праве».

— У Плещеева за словом «нетерпеливо» вдруг следует: «Здесь она сыграна безукоризненно».

— Нетерпеливое плещеевское ожидание появления разбора в печати определялось, скорее всего, словами Достоевского в письме. И возможно, там же, в письме, что-то было и о «Светоче», редакции которого Достоевский почти положительно обещал свое участие.

Своему постоянному и такому нетерпеливому ожиданию Плещеев позволил обнаружиться и в письме к А. Н. Майкову от 20 апреля 1860 г., в возникшем из слухов вопросе, одновременно касающемся Ф. М. Достоевского и А. А. Григорьева: «Что Достоевский, продолжает ли импонировать — и выдавать Аполлона Григорьева за великого критика?»¹⁶.

Этим вопросом он как бы возвращается к собственной давней осведомленности о Достоевском — авторе разбора «Грозы» и, сам того не ведая

еще, предваряет содержание свой ближайшей «Заметки кое о чем» в «Московском вестнике».

И, чтобы «чего доброго» не повредить «отношениям», взятая в помощь в связи с заметкой, обозначенная под разбором в «Светоче» подпись и тут же напоминание о порядке забытом, да просто забытом, рассказе М. М. Достоевского «Светелкин». Но все недовольство и весь гнев его обращены на Ф. М. Достоевского, разбор которого он так нетерпеливо ожидал с середины декабря 1859 г.

Все сказанное о Григорьеве в разборе напечатанном и защита его «нового слова» для Плещеева продолжение «импонирувания» со стороны Достоевского и возвеличивания Григорьева как критика. Он не согласен, что «Островский нашел новое слово и что это слово есть *всеприимность* русской натуры»¹⁷. Ему решительно не видится этого «в большей части произведений г. Островского». Напротив, «бичевание самодурства и дикого произвола, которые г. Достоевский не хочет в них видеть, мы находим повсюду»¹⁸. И тут же автор «Заметки кое о чем» напоминает: «Г. Островский, говорит его критик, первый открыл красоту в русской женщине, которая оставалась без выражения... Это тоже не вполне справедливо, женские типы г. Островского прелестны, об этом не может быть спора, особливо после создания Воспитанницы, Груши и Катерины, но женщины, созданные г. Тургеневым, не уступают им в художественной силе и поэтической красоте»¹⁹.

Плещеев не очень точен в передаче сказанного в разборе. Достоевский говорит о новом слове Островского и продолжает: «...мы не говорим уже о других его заслугах, напр[имер] о том, что он первый открыл красоту в русской женщине, которая, после Татьяны, осталась без выражения» (145).

Сбивчивость Плещеева не помещала, однако, Ф. М. Достоевскому отнестись должным образом к его замечанию. Он вспомнил о нем и учел его спустя два десятилетия в своей речи о Пушкине, в августе 1880 г.

«Можно даже сказать, что [после Татьяны.— Б. Ф.] такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева» (26; 140).

Н. Страхов, присутствовавший на пушкинских торжествах, вспоминал: «При имени Тургенева зала, как всегда, загрохотала от рукоплесканий и заглушила голос Федора Михайловича. Мы слышали, как он продолжал: «<...> и Наташи в „Войне и мире“ Толстого»²⁰.

Внимание Достоевского к образу Татьяны нашло свое отражение и в примечании его к одной из статей, опубликованных в пятой книжке «Времени» за 1861 г., в его собственной статье «Книжность и грамотность», которая была помещена в седьмой книжке журнала за тот же год.

У Достоевского в подстрочном примечании сказано: «Татьяна — прелестнейший тип русской женщины и первый такой тип по времени в нашей литературе» (19; 212).

В статье: «<...> русская девушка — тип единственный до сих пор во всей нашей поэзии, перед которым с такою любовью преклонилась душа Пушкина как перед родным русским созданием» (19; 11).

Итак, теперь уже не о Плещееве, его нетерпении и сбивчивости, а о достаточно доказательной силе сходстве и соотношениях высказываний Достоевского в разборе с таким же и такого же рода высказываниями в других его статьях, в его произведениях художественных, в его переписке.

Выше обозначен один из примеров. Один из многих. Не составит труда найти и другие, и в том числе:

В разборе:

«...этого не могли постичь и простить... Вот что значит, как в жизни, так и в литературе, искать в человеке прежде всего его мнений и убеждений, а не самого человека» (146).

Еще в августе 1839 г. в письме к старшему брату Ф. М. Достоевский писал: «<...> учиться, „что значит человек и жизнь“, — в этом довольно успеваю я; учить характеры <...> Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время» (28, I; 63).

В разборе:

«<...> пьесы, переделанные из романов, большею частию, падают на сцене» (155).

И это суждение свое Достоевский вновь повторяет обстоятельно в письме, написанном 20 января 1879 г. к В. Д. Оболенской:

«Насчет же Вашего намерения извлечь из моего романа драму, то, конечно, я вполне согласен, да и за правило взял никогда таким попыткам не мешать; но не могу не заметить Вам, что почти всегда подобные попытки не удавались, по крайней мере вполне.

Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической. Я даже верю, что для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей, так что одна мысль не может никогда быть выражена в другой, не соответствующей ей форме» (29, I; 225).

В разборе:

«Он оттого, может быть, немного слишком любит старину, что вообще, по евангельскому слову, возлюбил много в жизни» (145).

Об этом «слове» см. в высказываниях Достоевского в майском номере «Дневника писателя» за 1876 г., в романе «Братья Карамазовы» и др.

В разборе:

«Что это, упрямство, непонимание, или дело „не нашего прихода“?» (148). Заковычено крылатое выражение из басни Ивана Крылова «Прохожий»: «Ведь я не здешнего прихода». У Достоевского оно впервые появляется еще в повести «Дядюшкин сон»: «Думал проехать мимо: лежи себе на боку; не здешнего прихода!» (2; 305).

В разборе:

«<...> осмелился предстать на суд критики, созданный со всею полнотою жизни, а главное, не с неумытым каким-нибудь рылом <...>» (146).

У Достоевского в его Сибирской тетради записано с пометой NB: «Чего суешься с невымытым рылом в калашный ряд» (4; 238).

В разборе:

«Если вы уж так любите идеи, возьмите приведенную выше и пишите на нее статью, или поговорите с доктором Панглосом. Последнее будет еще лучше: страницы в статье выйдут красноречивые <...>» (149).

Всего через шесть–восемь месяцев у Ф. М. Достоевского во второй статье из «Ряда статей о русской литературе»: «<...> они все непременно бы кинулись к каком-нибудь доктору Панглосу за умным советом, и доктор Панглос тотчас же и без большого труда уверил бы их всех, что это очень хорошо случилось <...> это непременно к лучшему. И доктора Панглоса никто бы не разорвал за это в клочки». И тут же подстрочное примечание Достоевского: «Доктор Панглос — смешной философ, в одной сказке Вольтера, доказывающий, что все на свете происходит к лучшему» (18; 76).

В разборе упоминаются:

Сервантес и его Дон Кихот (150).

«Лица гоголевских повестей и комедий» (157).

И еще: «Нет факта в жизни, нет происшествия, которые не имели бы своей идеи, своей морали» (149). «<...> весь наш народ, а народ, взятый во всей полноте, во всей его всеобъемлемости есть *все*. В нем, а не вне его все силы, все пружины его будущего развития. В нем вся будущая заслуга его перед человечеством <...>» (148). «В деле же покаяния она всегда предпочла бы всенародное, если б заранее решила каяться» (154) «<...> мечтает о сладости всенародно казниться за свой проступок» (153). «Нам особенно нравится то, что эта сцена случилась на площади, в присутствии посторонних, на месте, где, кажется, никак уж нельзя ожидать подобных явлений, одним словом, случилось при самых враждебных и неудобных для нее обстоятельствах» (155).

И еще, и еще...

И в памяти каждого, кому ведомо творчество писателя, тут же представляются соответствия с соответственно содержащимися в других его еще произведениях.

Эти сближения и вместе словно бы даже привычная близость стиля разбора к стилю того же «Ряда статей» — все это, опять и опять, в пользу нерушимой принадлежности разбора Достоевскому.

Существенное в разборе — разбор «Грозы», но не единственно и не только этой драмы, разбор одновременно также вмещает объемный и системный анализ творчества драматурга вообще.

Увлечение Ф. М. Достоевского Островским возникло еще во время пребывания его в Семипалатинске. В письме к давнему своему приятелю А. Н. Майкову, 18 января 1856 г., указывая на свое незнание написанного драматургом, сообщая, что сам он «ничего не читал в целом, но читал много отрывков в разборах о нем» и что кажется ему, что Островский «не художник», он просил: «Разуверьте меня, пожалуйста, пришлите мне, ради Бога, что получше из его сочинений, чтоб я мог знать его не по одним критикам» (28, I; 210).

Майков ли способствовал, или он сам в себе нашел нечто к тому, чтобы разувериться, но в конце 1859 г., находясь еще в Твери, он уже намерен заниматься разбором «Грозы». Теперь для Достоевского Островский — писатель, «который более всех других наших современных писателей возбуждал и даже теперь еще возбуждает о себе самые противоречивые толки» (141). Так сказано им в разборе.

Во «Введении» к «Ряду статей», законченном к декабрю 1860 г., главное замечание Достоевского о драматурге: «Мы знаем его место. Мы уже говорили не раз, что веруем в его новое слово и знаем, что он, как художник, угадал то, что нам снилось еще даже в эпоху демонических начал и самоуличений» (18; 60).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достоевский М. М. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л., Изд-во Лен. университета, 1990. С. 141. — В дальнейшем текст статьи цитируется по этому изданию с указанием страниц.

² Статья Б. В. Федоренко «Ф. М. Достоевский и журнал „Светоч“. Отношения, связь» находится в портфеле редакции альманаха «Достоевский и мировая культура» и будет опубликована в одном из следующих номеров. Важнейшие наблюдения и соображения автора статьи, имеющие отношение к гипотезе о Ф. М. Достоевском как авторе разбора «Грозы», резюмированы в заметке члена редколлегии альманаха Б. Н. Тихомирова, которой редколлегия посчитала целесообразным сопроводить публикацию настоящей статьи Б. В. Федоренко. Заметку Б. Н. Тихомирова «Кто же был автором разбора драмы А. Н. Островского „Гроза“? (О статье Б. В. Федоренко...)» см. на стр. 148–155.

- ³ Достоевский. Материалы и исследования. Л., Наука, 1978. Т. 3. С. 271.
- ⁴ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., Изд-во АН СССР, 1935. С. 529–530.
- ⁵ Там же. С. 530.
- ⁶ Там же. С. 529.
- ⁷ Там же. С. 531.
- ⁸ Там же. С. 530.
- ⁹ Там же. С. 531.
- ¹⁰ Там же. С. 532.
- ¹¹ ЦГАОР, ф. 109, 1 экс., оп. 5, 1849, ед. хр. 214, ч. 13, л. 53–53 об.
- ¹² Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1961. Т. 6. С. 261.
- ¹³ Там же. С. 274.
- ¹⁴ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования... 1935. С. 448.
- ¹⁵ Там же. С. 449.
- ¹⁶ Литературный архив... С. 301.
- ¹⁷ Московский вестник. 1860, 19 июля. С. 24.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 1. С. 513.